

Н. А.
ПОЛЕВОЙ

Николай Полевой

**Пир Святослава
Игоревича, князя киевского**

«Public Domain»

1843

Полевой Н. А.

Пир Святослава Игоревича, князя киевского / Н. А. Полевой — «Public Domain», 1843

ISBN 978-5-457-19908-8

«Трудно перенестись в прошедшее, так же трудно, как предугадать будущее. Стоя на утесе, который называют настоящим, не видит ли человек со всех сторон вокруг себя обширного океана бытия, не различает ли на нем разнообразных волн, но что же их разнообразие? Минута, и они изменились, и новые мчатся вслед их; волна прошедшего, катившаяся горою, рассыпалась; волна будущего подымается, холмится, рассыпается, уходит – и снова однообразно в разнообразии...»

ISBN 978-5-457-19908-8

© Полевой Н. А., 1843

© Public Domain, 1843

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Алексеевич Полевой

Пир Святослава Игоревича, князя киевского¹

* * *

Трудно перенестись в прошедшее, так же трудно, как предугадать будущее. Стоя на утесе, который называют *настоящим*, не видит ли человек со всех сторон вокруг себя обширного океана бытия, не различает ли на нем разнообразных волн, но что же их разнообразие? Минута, и они изменились, и новые мчатся вслед их; волна прошедшего, катившаяся горою, рассыпалась; волна будущего подымается, холмится, рассыпается, уходит – и снова однообразно в разнообразии, море бытия кипит, волнуется: где его деление? где пределы, где грани волн? Кто выхватит одну, из среды их, оледенит, окаменит ее и бросит перед наблюдающие взоры человека? Печальным памятником минувшего носят на хребтах волн только остатки разбитых ими ладей и кораблей человеческих, трупы бытия. Были и нет, жили и ушли – вот все, что говорят они памяти.

Обширные страны на север от Черного моря, по воле греческих географов принимавшие имена *Гипербореи*², *Скифии*³, *Сарматии*⁴, не уподобляются ли такому океану? Будем ли мы читать повествование о них, будем ли бродить по степям Дона и Днепра и в мелких подробностях бытия настоящего искать следов минувшего, не такой ли океан они, сии страны?

Уничтожьте нынешние города и жилища наши на сих степях, удалите все, что гнездится теперь на них. Пусть дичь и пустыня раздвинутся от берегов Черного моря к Волге и за Днепр, пусть зарастут они древними, дремучими лесами, испестряются степями, на которых вековечно белеют разливы ковыля и темнеют острова бурьяна. Пусть только волны рек льются между пустынями и плещутся, как плескались они за тысячелетия своими серебряными волнами. Пусть воображение ваше вещью птичкою пролетит после того через века и остановится на том времени, когда еще ни вольный казак, ни угрюмый сын Азии татарин не жили и не кочевали тут; греческие города лежали видимыми обломками на берегах Черного моря⁵; хазарские города дымились⁶ в недавнем разрушении от меча русского; воды Днепра

² *Гиперборея* – в греческой мифологии сказочная страна, которая находилась на крайнем севере за пределами царства бога северного ветра Борея (отсюда название); страна вечного блаженства, населенная гиперборейцами, где всегда оставался на зиму бог солнца Аполлон.

³ *Скифия* – государство скифов (9-3 вв. до н. э.), занимавшее в пору расцвета территорию Северного Причерноморья от нижнего течения Дуная до нижнего течения Дона, включая Северный Крым.

⁴ *Сарматия* – государство сарматов (3 в. до н. э. – 4 в. н. э.), родственных скифам племен, которые в 5-3 вв. до н. э. обитали в низовьях Волги, кочуя от среднего течения Дона до Южного Предуралья, затем вытеснили скифов, создав собственное государство, занимавшее территорию современной Украины (без западных ее областей), Ростовскую область и междуречье от среднего течения Дона до Волги.

⁵ ...греческие города лежали видимыми обломками на берегах Черного моря – Имеются, в виду города-крепости греческих рабовладельческих государств Ольвии (г. Ольвия находился близ нынешнего Николаева), Боспорского царства – Пантикапей (совр. Керчь), Танаис (в низовьях Дона) и др., существовавших на Черноморском побережье в 6 в. до н. э. – 4 в. н. э.

⁶ ...хазарские города дымились... – В 965 г. Святослав разгромил Хазарский каганат – тюркское государство, возникшее в VII в. на юго-восточных границах Руси и занимавшее обширную территорию в бассейне Северского Донца, среднего и нижнего течения Дона, низовьев Волги, вплоть до Кубани и Терека на юге; были захвачены и разрушены все хазарские города, в том числе крупнейшие – Итиль (в дельте Волги, в 10 км выше совр. Астрахани) и столица каганата Саркел (ныне – под водой Цимлянского водохр.), на месте которой основана русская крепость Белая Вежа (Саркел – букв. Белый город; вежа – шатер, а также городская башня шатрового типа).

отражали в себе вежи и шалаши дикарей азийских, бедные жилища славян и городки норманнов.

Там, где впоследствии раздвинулся обширный Киев и возвысились золотоглавые церкви его, на высоком берегу днепровском стоял тогда деревянный кремник, или городок норманнский, — четыре деревянные стены, срубленные из толстых бревен, с небольшими башнями по углам, с двумя крепкими воротами, с непрерывною стражею у ворот и на стенах. Палисад из заостренных, толстых кольев составлял внешнее укрепление городка, простираясь извилинами далее стен, из-за которых видны были вышки княжеских теремов, переходы и сени, покрытые *гонтом*, или дранью. Городок был обширен; в нем помещались дворец княжеский, дворцы княжичей, жилища избранной дружины, вельмож и бояр, казнохранилища, оружейные, конюшни для лошадей князя и дружины его. Незаселенная равнина отделяла городок от хижин, рассеянных далее, разбросанных беспорядочными толпами, между коими извивались узкие, неровные улицы и переулки. Дома состояли из мазанок, из срубов с маленькими окошками, даже из землянок; они были покрыты дранью, соломой, дерном; иные огорожены плетнем, большая часть без огорожки, только с закутой. Между ними в некоторых местах находились высокие терема богатых *гостей*⁷ и *вятиших*⁸ людей, сии терема были в два этажа, состояли из многих небольших, отдельных срубов, соединенных переходами или сенями; в нижних этажах обыкновенно находились кладовые, и такой двор обносился вокруг заплотом, или плетнем, с сараями вокруг плетня. На другом конце сего неправильного, беспорядочного народонаселения, заключавшего в себе несколько тысяч теремов, домов и землянок, находился *чудный* двор княгини Ольги⁹, составлявший предмет удивления киевлян, потому что терем во дворе был *каменный*: четыре толстые стены, складенные из кирпича, с узкими, маленькими окнами, обмазанные по штукатурке красною краскою. С множеством разных деревянных строений, каменный терем сей окружался палисадником и походил на городок, только не видно было при нем ни башенок, ни стражи. К Днепру, вниз по горе, к пристани, где стояло множество лодок, разбросаны были кузницы, бани, балаганы. Со вскрытием Днепра начиналась в Киеве настоящая ярмарка и продолжалась все лето. Все окрестные племена славян плыли тогда в Киев, одни с данью великому князю, другие с товаром — мехами, кожами, воском, медом. Тысячи народа толпились тогда целые дни по берегу днепровскому. Днепр покрывался ладьями, лодками, челноками, плотами. Тут были новгородцы с заморскими товарами северных стран; купцы *гречины*, то есть торговавшие в Греции и отправлявшиеся в Царьград и Херсон весною, а возвращавшиеся осенью. Сюда приезжали печенеги и половцы, с конскими табунами, множеством невольников и невольниц. Русских отдавали они на выкуп, иноплеменных продавали киевлянам. Важный торг производился сим товаром из Киева в Грецию. Купцы хазарские приплывали в Киев с драгоценными произведениями Востока, жемчугом и пряностями, которые шли к ним из Индии, Персии, Бухары. Словом, берег Днепра с начала весны до глубокой осени представлял живую, пеструю, шумную картину деятельности, где тысячи временных строений, примосток, балаганов служили пристанищем торговле и жилищем для пришельцев с севера, юга, востока и запада.

Тут вы увидели бы одетого звериною кожею печенега, блестящего бронею варяга княжеской дружины, добродушного полянина в его суконной свите, валяном колпаке и лаптях, византийского или херсонского грека, в его полуазиатской одежде, хазара, в его чалме и широком кафтане. Здесь тянулись рядами лубочные балаганы, где разложен был всякий товар; там ряд балаганов, завешенных рогожками, представлял множество харчевен и гости-

⁷ Гости — купцы.

⁸ Вятищие — богатые, знатные, сановные.

⁹ Княгиня Ольга — мать Святослава, княжила в Киеве 945—964 гг.

ниц, где пекли, варили, жарили, и на открытом воздухе толпы народа ели кисель, блины, лепешки, пирожки, пироги; за ними находилась загородка, где печенежские невольники и невольницы, связанные парами, лежали и сидели в беспорядке, и по слову хищного хозяина своего должны были показывать себя покупателям; далее была коновязь, где тысячи лошадей угорских, хазарских, печенежских ожидали купцов. Вечером, когда корыстолюбие уставало от дневной суеты, по берегу и в лодках на Днепре зажигались тысячи огней. Являлись славянские скоморохи с гудками и гуслиями, пели, плясали. Печенеги садились вокруг котлов, и у них раздавалось унылое, однообразное пение, сопровождаемое звуками какой-нибудь кобзы. Круг хазар, сидевших около своего огня, оживлял какой-нибудь рассказчик, прерываемый по временам восклицаниями слушателей. Славянские люди собирались в такое время подле обжорных балаганов, где продавали крепкий мед и пиво. Там слушали они песни скоморохов, хохотали, смотря на прыжки их, пили, гуляли «спустя рукава», как говорится по русской поговорке – *Руси есть веселье питии*¹⁰. Веселье беспрестанно прерывалось дракою, а драка оканчивалась новой попойкою...

Таков был Киев в то время, когда идет наше повествование, Киев, под властью Святослава¹¹, говорившего: *Не любо ми есть в Киеве жити*.

Солнце закатывалось за днепровские леса, со всех сторон окружавшие Киев и покрывавшие нагорную сторону своею угрюмою тенью, когда из-за мыса Угорского выплыло несколько больших ладей. Впереди в одной ладье сидело несколько княжеских воинов, одетых в русские брони. Затем следовала другая ладья, и в ней было человек двадцать воинов греческих; на носу стояли два человека в богатой греческой одежде. Один из них устремил взор на Киев, перекрестился и сказал другому:

«Слава Федору Стратилату¹²! Он исполнил мою молитву – мы доехали благополучно. Вот Киев!»

– Где? – спросил его товарищ.

«Вот он! – Говоривший указал на шумное сборище народа по берегу днепровскому, городок, дома и строения киевские. – Вот городок, жилище скифского медведя Сфендослава¹³ и красный терем Ольги. Вот Угорский мыс, где убили первых князей киевских Аскольда и Дира. Вдалеке, что высокий холм – Олегова могила на горе Щековице¹⁴. Туда влево Бирючев холм, где стоит болван проклятого бога их Перуна¹⁵. Тут речка Почайна, а там вдали находится православная церковь наша святого пророка Илии – только одна церковь православная!» – Он еще раз перекрестился.

– Ах! Калокир, – промолвил другой, – скажи: отчего тяжкая грусть обнимает сердце мое, когда ты сказал мне, что мы приплыли в Киев? Кажется, будто вешует оно, что мне уже не выехать из здешних варварских стран!

¹⁰ *Руси есть веселие пити...* – Это, ставшее крылатым, выражение восходит к словам Киевского князя Владимира I Святославича (ок. 960–1015), которые он, согласно «Повести временных лет», произнес в 986 г., отвергая магометанскую веру, требовавшую «вина не пити».

¹¹ *Святослав Игоревич* (ок. 920—972) – князь Киевский с 964 г.

¹² *Феодор Стратилат* – один из христианских великомучеников; в Византии почитался как покровитель всех, кто направлялся в северные страны (Скифию, Русь и т. д.); был военачальником, командовал отрядом, расположенным в г. Гераклея (Европейское побережье Мраморного моря), распространял христианство среди своих воинов-язычников; собрал в городе золотые и серебряные статуи языческих богов, разбил на мелкие кусочки и раздал нищим, за что был подвергнут мучительной казни: сначала был распят, а на другой день – 8(21) февраля 319 г. – обезглавлен.

¹³ *Сфендослав* – см. комм. к с. 52.

¹⁴ *Олегова могила на горе Щековице...* – Могила варяжского предводителя Олега, княжившего в Киеве 882—912 гг.; умер, согласно отдельным летописным источникам, от укуса змеи; с прозвищем Вещий получил отражение в литературе (см. «Песнь о Вещем Олеге» А. С. Пушкина и др.). Щековица (Щекавица) – Змеиная гора.

¹⁵ *Перун* – один из главных славянских языческих богов, повелитель грома и молний.

«Почему же, Михаил?» – спросил его Калокир (то был юный патриций, которого император Никифор отправил послом к Святославу).

– Едва только вообразу я себе, какой тяжкий, отдаленный путь совершили мы, как били нас волны эвксинские, как потом плыли мы по Днепру среди дремучих лесов, бесконечных степей, под стрелами печенегов – и страшные пороги... и варварский город, где мы будем преданы воле и произволу варвара скифа... О наш славный Царьград, наша славная Византия! О моя милая подруга...

«Есть о чем горевать! Право, когда речь о девушках, здешние скифянки чуть ли не лучше наших чопорных гречанок – их загорелые, румяные щечки я не отдам за мазанные щеки греческие. Если ты боишься за жизнь свою – будь спокоен: ты здесь безопаснее, нежели в Греции. Знаешь ли ты, что такое право гостеприимства в здешней варварской стороне?»

– То же, что в Аравии?

«Еще более, потому что здесь ты можешь купить его. Печенег и русс при первой встрече сорвут с тебя голову, но договорись с ними, заплати им, они положат свои головы за твою. А сверх того, вот с этою золотою гривною, знаком нашего посольства, мы безопасно можем ночевать в лесу, в орде печенегов и в лагере русском. Вечное бесчестие преследует из рода в род того, кто убьет здесь посла: их *не секут, не рубят!*»

– А не посла, следовательно, и секут, и рубят?

«Исключая *гостей*, у которых серебряная гривна на груди лучше всякого щита и покрова. Я не знаю, Михаил, кроме православной веры, право, не знаю, где лучше и с кем лучше жить: с здешними ли варварами или с нашими просвещенными греками? Если бы к нашей вере да русская правда и удалость...»

– Правда, которая привешена на копье и стережет проходящего, как разбойница! Ты слишком пристрастен к твоим варварам, Калокир!

«Может быть, потому что я родился и вырос между ними и никак еще не применюсь к нашей греческой правде. Боже сохрани, Михаил, если Господь просветит скифские народы православием и они кое-чему понаучатся...»

– Что же?

«Они сдвинут тогда наш Царьград в море, и кто знает, что в будущих веках здешние варварские страны не образуют такого царства, которое коснется востока и запада? Оно будет непобедимо, Михаил – ты еще не видывал скифских варваров в битвах...»

– Храбрость – добродетель дикого зверя.

«А добродетель человека неужели трусость?»

– Разумеется, ум научает нас беречь жизнь свою.

«Ох! ум научил нас столь многому – и вряд ли самая глупость не дочь его...»

– Но мне смешно подумать, что какой-нибудь Царьград станет со временем на месте Киева; что на скифском языке станут повторять святыя наши песнопения; что у русских будут свои Омиры и Иродоты¹⁶ и восхитят своими писаниями на варварском своем языке...

«Но кто знает будущее, Михаил! Я расскажу тебе даже одно, предание, которое передал мне наш греческий священник; находившийся при Ольге. Знаешь ли, что Святой апостол Андрей странствовал здесь¹⁷, воздвиг крест на горах Киевских, благословил их и рек: „На сих горах воссияет благодать Божия, будет град великий и многие церкви Бог воздвигнет“?»

¹⁶ *Омир* – Гомер, *Иродот* – Геродот (ок. 484—425 до н. э.) – выдающийся греческий историк; его труд «Изложение событий» – ценнейший источник сведений по истории древних народов – мидийцев, персов, вавилонян, египтян, скифов, ливийцев и греков, начиная с Моента их появления на исторической арене до 478 г.

¹⁷ *Святой апостол Андрей странствовал здесь...* – Согласно византийской легенде, один из ранних подвижников Христианства, апостол Андрей, был первым проповедником нового вероучения среди народов, обитавших на берегах Черного моря; побывал он и в Скифии. Славянский, значительно расширенный, вариант легенды дошел до нас в составе «Повести временных лет», где, в частности, говорится и о воздвижении креста на месте будущего Киева и приводятся слова, якобы сказанные при этом апостолом, которые повторяет герой Полевого – византийский посол.

– Андрей Первозванный?

«И кто же после сего ведает, что киевским скифам не суждено *первозвание* среди всех народов и что славянин не займет даже престола Цареградского – по крайней мере не укажет смелою рукою, кому сидеть на императорском престоле...»

– Что ты говоришь?

«Ах! Я забылся... – сказал Калокир, – ты заговорил меня».

– Калокир!

«Михаил!»

– Если я не обманываюсь... Твои речи, столько раз начатые тобою...

«Что же из того следует?» – спросил Калокир с замешательством.

– Мы поговорим с тобой после. Слышишь...

Звук труб, раздавшийся в передней, ладье, прервал разговор. Трубным звуком княжеские воины давали знать о своем приближении.

С берега раздался ответный звук. Отряд воинов стройно спускался из городка навстречу. Народ, будто дикие козы, столпился на пристани, где причалили ладьи греческих послов. Едва палками могли очистить дорогу меж толпою для послов. Калокир, Михаил, товарищи их вышли из ладей. Отряд княжеский приблизился к ним. Впереди отряда ехал старый воин – то был воевода Святослава, Свенельд. Он и товарищи его сошли с лошадей.

– Великий князь Киевский Святослав через меня, Свенельда, вождя княжеского, приветствует тебя, посла греческого Калокира, и желает тебе здравия.

«Император и повелитель Царьграда и всего Востока благодарит великого князя Киевского за привет его, а я, как посол, представляю тебе, Свенельд, воевода княжеский, мою доверенную хартию и показываю золотую печать, знак моего посольства, требуя у вас гостеприимства, хлеба и соли».

Свенельд подал ему руку.

– Отныне ты гость наш, и князь наш *ручается* за твою безопасность и определяет тебе посольское, на все твое пребывание в Киеве, хлеб, вино, мясо, рыбу и овощи. – Они взаимно поклонились. – Теперь, – сказал Свенельд, – позволь мне обнять не посла греческого, но старого знакомого и друга. Приветствую тебя, Калокир, да сохранит тебя Перун и Волос¹⁸! Князь Святослав просит тебя в гости не как посла, но как старого знакомого, бывалого человека в нашей Русской земле, ратного сопутника на полях Булгарии¹⁹. Твои воины будут угощены и приняты в княжеском дворе, а ты поедешь со мною к Святославу.

«Где же найдем мы князя?»

– Там, где воину и князю прилично быть, если он не в битве: князь травит свирепого зверя, появившегося в Хоревицком лесу; его загнали в *облаву*, и только встреча тебя удержала меня в городе. Давно не видывали у нас зверя такого свирепого и страшного... Поедем застать травлю.

Калокиру подвели лошадь. Он, Михаил и еще три или четыре грека поехали за Свенельдом. Они повернули от городка вправо и поскакали по дорожке, проложенной в дремучем лесу Хоревицком. Солнце село за лес и горы, когда всадники выехали на обширную поляну, окруженную вековыми дубами. Тут представился взорам их охотничий табор Свя-

¹⁸ *Волос*, Велес – славянский языческий бог, покровитель скотоводства и пастухов, а также песенного искусства, начало которому было положено пастушескими песнями.

¹⁹ ...*ратного сопутника на полях Булгарии*... – Имеется в виду первый поход Святослава против Болгарского царства (задунайских болгар) осенью 968 г. по просьбе византийского императора Никифора II Фоки (см. об этом в данной книге стр. 53). В те времена существовало еще одно царство болгар – заволжских, Волжская Болгария, находившееся на левом берегу Волги между реками Кама и Самара; погибла в 1235 г., став первой жертвой татаро-монгольского нашествия на европейские страны.

тослава. Еще издалека слышали они звуки труб и рожков, стократным отголоском повторявшиеся по лесу.

Посредине поляны зажжен был огромный костер; дубы и вязы, целиком под корень подрубленные, с их обширными ветвями, как стояли в лесу, так и брошены были в огонь, и зарево от них разливалось по окрестным деревьям. Богатые греческие ковры, войлоки, шкуры зверей набросаны были по всей поляне; над некоторыми, на воткнутых в землю копьях, растянута были легкие ткани, сшитые в виде полстей, и составляли навесы. Сосуды золотые, серебряные, глиняные, деревянные были расставлены повсюду без разбора; дорогая чаша греческая стояла подле деревянного жбана и глиняный горшок печенежский подле богатой, старинной вазы. Тут вокруг огня, на коврах и постилках в беспорядке, лежали и сидели собеседники – воины, бояре, отроки княжеские, князья, варяги, пришельцы из Скандинавии, вольные искатели странствований и приключений, печенежские ханы и воины. Усталые, расседланные кони были расставлены по краям поляны. Повара княжеские готовили кушанье – жарили добычу, доставшуюся в тот день; шумная попойка шла кругом; голоса разговаривавших собеседников сливались в одном месте с песнями; в другом раздавались восклицания воинов, которые заняты были воинскими играми. Там звучала труба; здесь били в бубны. Число всех находившихся на поляне, участвовавших в беседе и охоте княжеской, простиралось до трех или четырех сот человек.

Среди шумной, многочисленной, разнообразной беседы находился сам Святослав. Он небрежно лежал на медвежьей полсти; бархатная подушка, брошенная на дорогое седло, поддерживала руку, на которую наклонена была голова его; против него, на длинном железном вертеле, жарили знаменитую жертву охоты того дня – свирепого кабана, незваного гостя Хоревицких лесов.

Михаил любопытно устремил взоры свои на *Сфендослава*, о котором так много слышал в Царьграде и Херсоне. Святослав казался человеком среднего роста, но жилистые руки его, огромная голова, широкие плечи показывали необычайную силу его. Лицо князя было смуглое, загорелое, суровое, и суровость умножали еще длинные, рыжие усы, висевшие с верхней губы; голубые глаза его выражали задумчивость; улыбка, казалось, не была привычною гостею на его устах, ограниченных с обеих сторон щек двумя глубокими морщинами; бархатная, вышитая жемчугом шапочка была надета на его бритую голову, и только клочок рыжих волос виден был из-под нее, закинутый за ухо. В одном ухе продета у него огромная золотая серьга с дорогим красным яхонтом и двумя жемчужинами. Одежда его состояла из простого суконного полукафтання; ни золота, ни серебра не было на его ремennem поясе – только два кинжала были заткнуты за пояс. В стороне стояли три отрока княжеские и стерегли его шлем, его копье, меч, бурку, щит, сложенные в виде сайдака, или трофея. Несколько печенегов, варягов, русских и славянских вождей сидели вокруг Святослава, в некотором отдалении, на богатых коврах; перед каждым из них стояли сосуды с вином и медом; все шумно говорили и спорили – Святослав ничего не пил, ничего не говорил. Он глядел на вепря, жаримого перед ним. По обе стороны его сидели два юные княжича, сыновья его.

Никто не обратил внимания на Калокира, Михаила и товарищей их, когда они, оставя лошадей своих, приблизились к Святославу, предшествуемые Свенельдом.

«Добро пожаловать, старый товарищ и гость мой! – сказал Святослав, протягивая руку Калокиру, но не трогаясь с своего места. – Ты простишь меня, что я не встаю и не приветствую тебя, как водится у вас в Греции, – устал, возившись вот с этим проклятым зубарем (он указал на вепря), а притом теперь ты в гостях не у Киевского князя, но у доброго охотника. Обрядует место после. Садись и будь гость мой!»

Бархатную подушку принесли Калокиру. Он сел подле князя. Товарищи его стали в отдалении.

«Свенельд! Садись к нам и вели Братиславу угощать товарищей моего друга Калокира. Он умеет убаюкивать жажду и усталость гостей».

Михаила и других греков повели под один из навесов, посадили на мягкие подушки и начали потчевать.

– Радуюсь, князь Святослав, что вижу тебя здорового, и желаю тебе всякого блага в здешней и будущей жизни.

«Благодарю, старый товарищ. Здорового ты меня видишь, но только не столь веселого, как тогда в Переславце, на берегах Дуная».

– Я знаю, князь, что тебя удручает скорбь тяжкая о кончине твоей почтенной родительницы Ольги, столь справедливо названной Премудрою.

«Да, мать моя скончалась, – угрюмо произнес Святослав. Он помолчал несколько мгновений. – Смерть не беда – умереть всякому надобно, только бы умереть хорошо и не быть рабом в веке будущем. Старым людям надобно совесть знать и очищать место молодым. В свете и без того так тесно, что потянуться негде – право, тесно, добрый приятель! – Едва заметная улыбка мелькнула на устах Святослава. – А душа просит воли и раздолья – растягивайся здесь на пустой степи да в лесу – столкнешься с печенегом, шкура которого не стоит труда, чтобы содрать ее... Ох! берега Дуная и раздольный мой Переяславец Дунайский²⁰!»

Он опять замолчал и через несколько мгновений спросил у Калокира:

«Ну, скажи, где был ты после того времени, когда мы расстались с тобою?»

– Оставя тебя победителем Булгарского царства, я отправился донести о подвигах твоих моему императору Никифору и был в Царьграде.

«Что же? Благодарил ли меня Никифор за мои подвиги?»

– Я не имею права высказывать тебе, князь, тайн императора моего. Буду говорить тебе, как Киевскому князю, когда предстану пред тебя, как посол императора Греческого.

«Ты прав, Калокир, – я и забыл, что людям надобно два языка. Я все еще не отвыкну от наших обычаев говорить одним языком. А Булгарии пора бы выучить меня двоязычию!»

– Я слышал о славной победе, какую одержал ты, князь, по возвращении своем в Киев над печенежскими ордами.²¹

«Да, они теперь стали друзьями моими – посмотри, как дружно пируют они с нами, злые печенежские хановья, когда я проучил их порядком! Клянусь Чернобогом и Белобогом²², что с людьми нельзя прожить без дубины: иначе добра не добудешь ни себе, ни им; его надобно выколачивать дубиною! Подумай, что они, дикое стадо волков, забыли о существовании Святослава и хотели съесть моих цыплят, когда меня не было! – А кстати, Калокир, ты еще не знаешь детей моих. Они жили с бабушкой, когда ты гостил у меня в Киеве. Ярополк²³ и Олег²⁴, приветствуйте моего гостя».

²⁰ *Переяславец Дунайский*, Преславец – город в нижнем течении Дуная (неподалеку от совр. Тулчи), отвоеванный Святославом у болгар, куда он хотел перенести столицу Киевского княжества, заявляя, что это «есть середина (середина) земли моей».

²¹ ...я слышал о славной победе... над печенежскими ордами... – В 968 г. печенеги, пришедшие в приазовские степи с Востока, воспользовавшись отсутствием Святослава (он вместе с дружиной находился в Переяславце после успешного похода на болгар), совершили свой первый набег на Русь и осадили Киев. Узнав о новой беде, нависшей над Русью, Святослав оставил Переяславец и поспешил к Киеву, догнал отступивших от города печенегов, напуганных известием о его приближении, и разбил их.

²² *Клянусь Чернобогом и Белобогом*... – Чернобог и Белобог – славянские языческие боги ночи и дня, повелители, соответственно, тьмы и света; отсюда одна из древнерусских клятв: «Чтобы мне света белого не видеть, чтобы тьма навсегда затмила мне очи».

²³ *Ярополк* (ок. 956—980) – старший сын Святослава, Киевский князь с 973 г.

²⁴ *Олег* (ок. 958—977) – средний сын Святослава, с 970 г. Древлянский князь (столица – г. Овруч, ныне – на территории Житомирской обл.).

Двое молодых юношей, сидевших подле Святослава, встали и протянули руки Калокиру.

– Ты видишь еще не закаленные мечи, Калокир, и – жаль, что я не знал, как вредна бывает бабья беседа молодым ребятам! В лета моего Ярополка я уже рассчитывался с вятичами и радимичами. А где мой Владимир²⁵? Гей, Владимир!

Прекрасный юноша с мужественным благородным лицом подошел к Святославу.

– Вот память, что осталась мне от моей красавицы Малуши²⁶ – дитя, которое вспыхнуло, как лен на огне, и похоже на огонь, горевший в очах его матери!

²⁵ *Владимир* – младший сын Святослава, князь Киевский в 980-1015 гг. См. также комм. к с. 196.

²⁶ *Малуша* – одна из служанок княгини Ольги, матери Святослава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.